

ПРОСТИ, ЧТО
ЖИВОЙ

ИЛЬЯ АНДРЕЕВ

16+

Илья Андреев

Прости, что живой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612661

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда остаешься один с маленьким ребёнком, его счастье становится самым главным в твоей жизни. Уже не обращаешь внимание на то, что за кадром упадок сил, бессонница, неряшливый вид, выкуренные сигареты, когда, в общем-то, и не куришь. Как объяснить ребенку, куда делась его мать? Как среди всего этого найти в себе силы двигаться дальше? Вечные соболезнования, пустые хвалбы. И... Невзначай сказанные слова, пропитанные болью.. Здесь не будет ответов на вопросы. Лишь ещё одна история.

Илья Андреев

Прости, что живой

Её маленькая, такая хрупкая, нежная ручка утопает в моей грубоватой, неуклюжей взрослой ладони. Боюсь, как бы не раздавить её, не сокрушить своей силой любви. Поэтому время от времени я проверяю пальцами, со мной ли она еще, эта маленькая ладошка. Пока мы медленно идем, я поглядываю на её личико сверху вниз отцовским взглядом и ласково улыбаюсь, когда она поднимает на меня свои большущие глазенки и хлопает ресницами. «Моё маленькое чудо», – думаю я. Чудо с оранжевыми бантиками в косичках русых волос, миниатюрном желтом платице в беленький цветочек, черных лакированных сандаликах на ремешках. Чуть подпрыгивающая тоненькими белыми ножками. Малютка Сюзи... Да, моя Сюзи...

Имя выбрала жена. Это немного, что она оставила, прежде чем покинуть нас. Мы с Сью, так я зову её частенько, редко разговариваем о маме. Не потому что она была плохой, или я не любил её, или еще что-то. Нет... вовсе нет. Она была самой замечательной мамой! Самым добрым и нежным человеком, самой любящей и заботливой женщиной. Просто мне тяжело. Да и малышке тоже. Ребенку, наверное, вообще нелегко говорить на подобные темы. Особенно в свои невинные 4 года. Я часто задумываюсь, а понимает ли она, что её

мамы нет и что она не вернется уже больше? Или же она думает в своем маленьком кукольном мозгу, что мама просто уехала от нас?

Это не значит, что я не пробовал объясниться с ней, что не пытался донести горькую правду. Просто не уверен, что Сюзи смирилась с этим. Ведь ложась спать, она всегда желает маме спокойной ночи, я слышал много раз, стоя у чуть приоткрытой двери в её комнату. Слезы на глаза наворачиваются.

И еще знаю, что она с недоумением смотрит на родителей своих подружек, с интересом наблюдает за полноценными семьями – семьями, в которых два родителя. И меня настораживает, что к чужим мамам, воспитателям, да и к женщинам вообще она относится с недоверием. И даже каким-то диким испугом, который она, к счастью, не выставляет напоказ, но который читается по её лицу.

Да... нам тяжело. Признаю это. И все-таки я самый счастливый отец в мире.

Сегодня мы идем в зоопарк. Суббота, полдень... Сюю как всегда с фруктовым льдом. Она обожает самый кислый – лаймовый. Любовь к кислому у нее от матери. А я грызу свой, арбузный... На улице + 21, ветра нет, на небе ни облачка. Все как бы замечательно, до тех пор, пока мы не доходим до перекрестка, за которым уже и сам зоопарк, светящийся позолоченными, очень высокими воротами и чуть

менее высокой, черной узорчатой чугунной оградой по всему периметру. Стоя у светофора и ожидая зеленого, Сюзи вдруг спрашивает, огорошив меня с головы до ног:

– Па! – произносит она. – А когда мама вернется к нам?

Я закашливаюсь, подавившись слюной.

– Кхе-кхе... Что, малыш? Кхе-кхе... А почему ты спрашиваешь?

– Ну знаешь... Просто Тина сказала, что у нее мама тоже уходила надолго, но потом вернулась! Оказалось, что она просто работала в другом городе! Я вот и подумала... Наша мама тоже работает в другом городе? А?

Она поднимает свои черненькие реснички и глядит с надеждой, надув розовые губки.

–Эээээммм... Слушай... Хм...

Зажегся зеленый, но мы так и стоим, не решаясь перейти дорогу. Кругом много таких же семейных пар, как и наша... Только более полных... Дополненных некоторыми деталями. Мы стоим, и я не знаю, что ответить малютке. Наконец, почесав пару раз макушку так, что она начинает чесаться еще сильнее из-за нервов, я говорю:

– Нет, ромашка... Наша мама к нам не вернется...

И добавляю чуть погодя, пытаюсь улыбнуться:

– Прости.

У Сюзи глаза на мокром месте, губки задрожали.

– Но... но почему, па?

– Слушай... – я встаю перед ней на колени, не боясь ис-

пачкать брюки.

– Послушай... родная.. Наша мама, она умерла... и... и уже не вернется.

– Умерла?

Я помню, как говорил с ней об этом год назад, но, видимо, она все же не поняла всего. Или не способна была понять в полной мере. И вот сейчас опять. Чувствую, как колет сердце, как начинает знобить.

– Как умирают кошечки, да? – спрашивает Сью.

– Да, милая... Как умирают кошечки... – соглашаюсь с ней, не находя другого подходящего варианта.

– Но... но Тина говорила, что кошечки тоже возвращаются. Если их очень хорошо позвать, то они вернуться! В виде котят!

Она не плачет, хотя еще чуть, и я готов спорить, что в зоопарк мы уже не пойдем.

– Это... это не так, светик... Кошечки... они...

– Не правда! Почему ты врешь? Ты врешь! Тина сказала!..

Она топает своими крохотными ножками по тротуару. Бьет по нему сандаликами.

– Сюзи... успокойся.

Пытаюсь обнять её, но она отталкивает. «Глупая Тина... чтоб её...» – думаю я.

– Почему, почему мама не появляется? Ведь я так хочу её увидеть! Папа! Ну почему? А?

Она плачет, и я не знаю, как её успокоить. Фруктовый лед

тяжело капает на асфальт, оставляя на нем кислые, зеленоватые капли. И оставляя их заодно в моей душе. Такие липкие, холодные, противного цвета. Люди вокруг смотрят на нас, о чем они думают? Я еле сдерживаюсь сам, твердя про себя: «Крепись. Вдох – выдох...»

И тут, пока я медленно вдыхаю, Сью кричит:

– Верни её! Верни мне маму! Ненавижу тебя! Ну пожалуйста! Верни маму!

Фруктовый лед, как кислота, разъедает желудок, разъедает асфальт. Больно дышать... В глубине души я ненавижу себя, ненавижу за то, что не могу вернуть Сью её маму... Что не могу сделать её счастливой, что не умер я, а не она... Что Я жив. Солнце сильнее печет голову. Я обнимаю малышку, которая сама тут же, выронив из ручки мороженое, прижимается ко мне маленьким тельцем. Обнимает так крепко, как только может обнять ребенок, понимая, что была не права.

– Прости меня... – выговаривает она сквозь всхлипы и рыдания.

– Ничего, милая... Все хорошо, – поглаживаю её горячую спину. – Все хорошо...

Люди проходят мимо нас, пытаюсь понять, что случилось. Оборачиваются, обсуждают, кивают на нас головами. Странная у них реакции при виде маленькой плачущей девочки и находящегося рядом молодого человека лет 30. Я бы даже сказал – не совсем здоровая. Будь рядом мать, все было бы иначе. Но я стараюсь не обращать на них внимание. «Да по-

шли они... « – твержу себе, испытывая горечь и ненависть. Отвратное чувство беспомощности.

– Не плачь... Успокойся, родная, – целую малышку в лицо: глазки, бровки, носик, щечки.

Проходит время. Когда Сюзи перестает плакать, я достаю из кармана брюк белый платочек и вытираю её глазки, разгоряченное личико, нос... Заставляю высморкаться пару раз. Отдаю ей свой наполовину съеденный, а на половину растаявший фруктовый лед. А потом мы вновь беремся за руки и снова ждем сигнала светофора.

На входе покупаем два билета, Сью сама отдает кассиру деньги, когда я поднимаю её на руках к окошку кассы, забирает два длинненьких, узких билетика. Дальше, пройдя через турникет, мы направляемся к жирафам. У них самая большая территория с прудом, расположенная сразу же впереди и являющаяся центром зоопарка. По их же территории бегают зебры и антилопы. А в отдельно огражденных зонах, но на той же территории, живут страусы, пара носорогов и шимпанзе. Но звезды все-таки жирафы. Сью обожает их!

– Оониинии таааакиинииеееее большииинииеееее! – восторженно жестикулируя руками в воздухе, отвечает она на вопрос «Почему тебе нравятся жирафы?»

Да, они и правду большие. Людей сегодня много, но толкучки нигде нет. Нет и никакой суматохи. Мы с Сью преспокойно стоим у высокой оградной сетки и наблюдаем за тем,

как жирафы размеренно прохаживаются по песку и утоптанной траве среди акаций и другой зелени. Сюю не отрывая глаз, приоткрыв рот, то и дело издает восторженные «аааааа», «ууууух», «уууаааааааах» и прочее... Я читаю ей с висящей на ограде большой таблички занимательные факты.

– Жираф – самое высокое животное в мире. Взрослая особь весит 1–2 тонны. Пятна на шкуре жирафа уникальны как отпечатки пальцев у человека, а заодно служат прекрасным камуфляжем. Жираф считается единственным животным, не умеющим зевать. Длина языка жирафа составляет около 50 сантиметров.

– Про шею, про шею что написано? – не унимается Сюзи.

– Про шею... Посмотрим... А, вот... Шея жирафа может достигать более 6 метров и имеет всего 7 позвонков. По сравнению с другими млекопитающими они удлиненные и имеют особое строение по принципу «шарик-ямка», которое придает шее изумительную гибкость.

– Здорово!!! – раскрыв рот, произносит Сюзи.

– А ты знала, – вглядываюсь в табличку, – что жирафы не умеют зевать?

– Неа... Ну это и не интересно.

– А то, что...

– Ой, смотри!

Сюзи перебивает меня, показывая пальчиком вдаль. Рядом с водоемом жираф, кажется, спорит с зеброй, топая копытом по земле и максимально выпрямляя свою длинную

шею. Забавно!

– Они будут драться? Да, пап?

– Хм... Нет, сомневаюсь, солнышко. Просто что-то не поделили.

В глазах начинает немного рябить. По краям видны «мухи».

– Слушай, пойду сяду... Устал что-то, – глажу её по голове.

– Угу! – поднимает на меня глаза. – Папа, я пока тут буду!

– Хорошо...

Я сажусь на скамейку недалеко от ограды, прямо напротив, снимаю пиджак и потираю лицо. Мне нехорошо. Разболелась голова, затошнило... Чертова жара. А может, переволновался из-за истерики, поднялось давление. «Ненавижу тебя!» Эти слова продолжают терзать меня, хотя понимаю, что она это не со зла сказала. «Эх, малышка... Господи Боже, Бри, почему ты оставила нас? Тяжело одному, слышишь? Я стараюсь, очень! Но мне тяжело... Не хватает тебя», – думаю я. Сюзи боком, вприпрыжку, скачет вдоль ограды, задирая повыше голову, наблюдает, как близ стоящий жираф медленно пережевывает морковку, заботливо отданную одним мальчишкой в синей панамке и серых шортиках. Сю подпрыгивает к нему, и они начинают что-то обсуждать. «Такая жизнерадостная», – жмурю от солнца глаза. Ну а какой еще она можно быть в таком возрасте? Точно уж не взрослой, серьезной, вдумчивой и точно уж не грустной. Ребенок дол-

жен играть, постоянно двигаться, интересоваться всем, указывая пальчиком то на одно, то на другое. Пускать кораблики по ручейкам талой воды, мазаться в грязи, собирать листья в букет, ударяться и падать, а потом бежать к папочке за утешением. Эх... Склонив голову, смотрю в землю: муравьи ползают у скамейки, тащат какие-то песчинки, зернышки, крошки, траву.

Постепенно становится лучше. А за размышлениями не замечаю, как Сью подбегает ко мне и становится напротив.

– Па!

– А? Да, ромашка, ты уже насмотрелась на жирафов?

– Ну... я могу долго-долго-долго смотреть на них! Но тогда мы ведь не успеем побывать у других животных, – произносит она, покачиваясь из стороны в сторону и держа ручки за спиной.

– Ты права.

Встаю со скамейки, не подавая вида, что плохо себя чувствую, беру пиджак, и мы отправляемся дальше.

– А ты хочешь успеть посмотреть всех?

– Нууу **КОНЕЧНО ЖЕ**, папочка! – тщательно выговаривает Сью. – Теперь давай наперегонки до павлинов! Раз-два-три!

И вот она уже летит, словно маленький самолетик, лавируя среди других людей. Устремляется к своей цели, помавивая ручонками и визжа от радости. Ускоряю шаг, дабы не потерять её из виду. «Павлины так павлины...» Зоопарк по-

чти круглой формы. В центре – жирафы, а остальные животные расположены вокруг них в своих вольерах. Если смотреть с высоты, то очень похоже на отпечаток огромной лапы, только пальцев слишком много. Около двадцати пяти. Задумка интересная. По всей территории очень много зелени. Сплошь деревья, кусты, клумбы с цветами, газоны. Вдоль дорожек стоят мороженщики со своими тележками, лавочки с сувенирами, палатки с едой и напитками. Очень было бы похоже на обычный парк, если бы не вольеры с животными.

Наконец, я подхожу к павлинам. Сюзи уже тут и, держась ручками за прутья решетки, рассматривает их радужные перышки.

Раньше мы частенько ходили в зоопарк. Втроем. Сюзи не помнит этого, была слишком маленькой. Прошло не так много времени, а кажется, будто вечность пролетела. Все так быстро меняется, и дети быстро вырастают. Слишком быстро взрослеют. Черт. Вот бы она всегда оставалась малышкой... Ела сэндвич, взяв его только двумя руками, мазалась соусом от спагетти, роняла кусочки ветчины с пиццы, неуклюже намазывала масло на булочку, громко втягивала в себя холодную содовую, смеялась, выставляя на показ пока еще идеально белые зубки. Вот бы она никогда не научилась завязывать шнурки, свистеть, вот бы никогда не дотягивалась на кухне до полки, на которой стоит банка с печеньем. Вот бы всегда мило высовывала язычок, усердно собирая пазл

или лепя из пластилина белочку.

Мать Сюзи говорила мне: «Эта девочка очень сильная! Когда вырастет, обязательно добьется всего, чего захочет. Ничто не будет ей помехой!»

Действительно. Малышка, как волна, сметает все на своем пути, все вбирает в себя и очищает. Смывает плохое, полирует хорошие качества. Освежает. А заодно и делает все единым, навечно соединяя в своих объятиях.

«Ты только следи, – наставляла меня Бри с ироничной улыбкой на лице, – чтобы с парнями у неё все ок было. Хорошо? Не нужно этих слишком ранних взрослостей». «Ха.. Еще бы я отпустил нашу дочу на свидание с прыщавым юнцом раньше 18. Не дождется!» – подмигивал я.

Правда, все это так, больше шутка. И Бри знала это. Все мы понимаем это. Жизнь есть жизнь. Но тогда мы все же надеялись на бесконечные солнечные и невинные дни воспитания. Первый вонючий подгузничек, первые бессонные ночи, первые шажки, первые слова, первая улыбка и первый смех... Мы искали чистейшую доброту среди всего. И Сю давала нам это почувствовать, своими маленькими пальчиками цепко и с силой хватая наши пальцы. И мы утопали в счастье, словно в шоколадном пудинге... Бри очень любила слушать, как я читаю Сюзи на ночь детскую сказочку. «Жили-были в одном царстве, как то раз...» и тому подобное. В рамках эксперимента я даже пытался зачитать им лекцию по психологии. Бри вырубилась, пуская слюни на плечо, а Сю

так и тарасилась на меня из детской кровати, посасывая пальчик. Глазая глазенками, дрыгая ножками в воздухе как перевернутый на спинку жучок.

– Папина дочка, – думал я, снимая очки и боясь пошевелиться, чтобы не нарушить умиротворенность момента.

Шли месяцы. И вот мы уже ступали ножками по мягкой траве зеленого газона, восторженно мыча при виде голубей. Пикники на свежем воздухе стали случаться чаще. И воздушный змей не один раз взмывал в воздух, поражая маленькую Сью.

А потом, спустя столько счастливых деньков... Хотя нет, спустя всего каких-то несколько счастливых деньков... И все же спустя каких-то пару минут нашего общего счастья... Бри покинула нас.

Мне никогда не забыть, как я стою у могилки нашей мамы, держа на ручках Сюзии. Мы вдвоем напротив холмика третьего члена семьи. Все уже давно разошлись, а мы так и стояли. Пока Сью не захотела кушать и не начала капризничать. В тот момент я очнулся. А возможно и наоборот, погрузился во что-то не совсем мне ясное. Не привычное.

На следующий день я уже варил кашку, купал малютку, играл с ней в куколки, гулял в парке. И на следующий день, и на следующий, и на следующий... Так прошло 2 года.

Все выглядело обычно, обыденно, как будто ничего не изменилось. Только нас уже было не трое... Как я справлялся с горем? Да никак... Все мысли были заняты только Сюзии.

Я больше ничего не замечал. Работать мог на дому, ну или выезжал на пару часов, оставляя Сью с нянькой-соседкой. А потом снова к ней. Никого больше не замечал, и никто, казалось, не замечал меня. Это странное чувство... Мир вокруг расплывался, люди тоже плыли. Только доча оставалась прежней в поле зрения. Только рядом с ней все имело смысл. Только рядом с ней все казалось самим собой. Ясным, понятным, летним и родным.

И вовсе я не депрессовал. И вовсе не отчаивался. Да, времена было тяжело. Очень тяжело. Становилось пасмурно, потом шел дождь. Поднимался ветер и сдувал все листья с деревьев, но, переживая непогоду, становилось все так же солнечно, как и два года назад. Просыпался я при виде лица Бри, улыбающегося мне и всматривающегося в мои заспанные глаза. А засыпал, обнимая подушку и чувствуя тепло тела любимой жены.

Затем чаще всплывало в памяти то, как меня спрашивали другие женщины, когда мне удавалось ненадолго вырваться в мир.

– Вы тут один? – она улыбается и сверлит меня хмельным взглядом, положив ногу на ногу.

Блондинка, карие глаза, на лице море макияжа, вызывающее вечернее платье. Сидит рядом со мной и пьет маргариту. Кольцо я иногда вешал на цепочку и носил на шее. Видимо, не заметив его на пальце, она и решила попытать удачу. В баре довольно громко играет country музыка, шумит народ. Я

игнорирую её вопрос и продолжаю крутить на стойке стакан с виски. Женщину заинтриговало мое молчание. Я вообще довольно популярен у женщин. Она повторила попытку:

– Такой мужчина, а пьет в одиночку!

Смерил её пустым взглядом, залпом допил остатки виски, рассеяно бросил на стойку купюру и направился к выходу.

– Можно я присяду? – негритянка в красном платье с пышной прической наслаждается курением тонкой сигареты. Выпускает в сторону дым, не отводя от меня взгляда.

Я сижу за столиком и пытаюсь составить отчет. Глаза болят, пиво закончилось, а мысли сосредоточены на солонке и перечнице. Приглашаю её присесть.

– Спасибо! – благодарит негритянка.

Дальше она что-то непрерывно рассказывает, курит, заказывает выпить. А я не слушаю её, считаю узоры на салфетках, количество зубочисток, потом все сначала...

Глушу пятую рюмку водки и закусываю.

– Не пей много! – советует мне подруга, нанизывая на вилку зеленый горошек. – Похмелье будет.

Я соглашаюсь. Наливаю шестую, опрокидываю и заедаю кусочком черного хлеба. Мы приятно разговариваем обо всем на свете. Пересказываем друг другу жизни. Жарко. Снимаю блейзер. Она делает комплимент по поводу моей фигуры. Всегда держу себя в форме. Под конец Мисти приглашает прогуляться по набережной и уводит меня. Голову немного кружит, но даже тогда я понимаю, что уже стою у

её крыльца.

– Не хочешь зайти?

Дружески обнимаю её, желаю спокойной ночи и иду домой.

В бильярде нас шестеро. Три мужика и три женщины. Одна все время расспрашивает о Сью, горит, сверкает глазками и, кажется, флиртует. Я не пью, просто играю и наслаждаюсь общением. Друзья рекламируют меня, в душе завидуя обаянию, приударяют за своими пассиями.

– Тебе не трудно одному воспитывать дочь? – спрашивает Трейси, засунув руки в задние карманы узких, совсем узких я бы сказал, джинсов. Грудь просто воюет с обтягивающей белой футболкой.

Я говорю, что её черед бить.

– Вам кофе принести? – официантка мило улыбается мне.

Говорю, что да. Печатаю на ноутбуке материал, черчу графики.

К чему мне вспоминалось все это? Сам не понимаю. Но привкус неприятный.

Тогда мне нужно было другое. Явно не это.

– Ха-ха-ха! ТЫ так ОЙ смешн ОЙ! – хлопает меня по груди в порыве веселья. – Ой! Как ты меня еще повеселишь? М?

Она не пьяна, нет, просто немного чудачка. Я улыбаюсь. Говорю, что мне пора идти, и сматываюсь.

– Я могу сидеть со Сью и дольше, если вам нужно... нужно побыть одному, отдохнуть, – предлагает мне нянечка.

Я устал за день, снимаю куртку, вешаю на вешалку и выдыхаю.

– Ничего, Дмика. Но спасибо.

Но еще хуже были постоянные сочувствия в первый год. Сожаления, соболезнования и прочее.

– Как вы справляетесь? – с сочувствием на лице вопрошает воспитательница, поправляя очки.

Это было спустя месяц после смерти Бри и продолжалось еще месяца 3 или 4.

– Вы высыпаетесь? – интересуется чья-то мать.

Неважно выгляжу. Лицо мягкое, галстук забыл погладить.

– Ооууу... Мне так жаль.

– Простите... не знала.

– У моего знакомого...

– Вы хорошо держитесь...

– Какое несчастье!..

Старался пропускать это как можно дальше от души, как можно точнее-мимо мимо сердца. Я ведь был сильным. Должен был быть. Ради нас обоих – меня и малютки.

Я не горевал... Хотя и любил Бри всей душой, и постоянно думал о ней. Но потеряв её, не мог позволить себе сломаться. НЕ мог допустить подобной мысли, даже намек. Держа внутри всю злость, горечь, боль, пустоту, боролся, чтобы не допустить их выхода наружу. Хотя не всегда это казалось мне правильным. «Может, стоит поговорить об этом?» – думал я, сидя ночью в кресле.

Все начинало путаться. И это было хуже всего.

– Не хочешь пойти куда-нибудь? – приглашает женщина средних лет в строгом деловом костюме.

Улыбаюсь, махаю головой, допиваю мартини.

– Слушай, давай пойдем куда-нибудь, выпьем, а? – приглашает молодая девчонка лет двадцати. Но я предпочитаю остаться с книжкой за столиком в кафе.

– Мне очень жаль.

Близкая подруга Бри кладет руку на плечо.

– Ты свободен сегодня?

– Мне очень жаль... так жаль.

– Откровенно скажу – я хочу тебя!

– Примите мои соболезнования...

– Как вы сегодня?

– Как вы сегодня?

– Хочешь?

– Соблезную...

– Соблезнования...

– Пойдем оторвемся!

– Вы молодец...

– Что?

– Здравствуйте... Сюзи одевается, скоро подойдет. Как у вас дела?

– Неплохо.

– Вы не думали о том, чтобы найти себе девушку? Тогда и дочке было бы легче. Ей нужна женская забота.

– Пока не знаю.

– Можно поговорить?

– Конечно.

– Если что, обращайтесь. Я с радостью помогу вам, – с улыбкой произнесла Виктория, воспитатель в группе моей девочки, а потом, помолчав, добавила: – Может, составить компанию за ужином вам и Сьюзи?

Последнее, пожалуй, было самым добрым и ласковым предложением. Это случилось всего пару недель назад. Но я отказался... Виктория не обиделась. Понимающе улыбнулась и дружески похлопала меня по плечу. А потом, когда уходила, обернулась и сказала:

– Вы не одиноки... Не забывайте об этом.

Мать-одиночка. Ей еще не было тридцати. Длинные светлые волосы, невысокая, довольно симпатичная фигура и такое же лицо. У нее была привычка большую часть времени держать руки за спиной, обхватив одной запястье другой.

В тот момент мне захотелось расплакаться. Захотелось просто рыдать... а после поговорить. Рассказать обо всем. Уже не казалось, что я такой уж сильный, что смогу все вытерпеть. Необходимо было сделать первый шаг... Чувствовал, как Бри сама подталкивает меня, кивает головой и улыбается в свете яркого дневного солнца. «Не переживал, как же... Расскажи это пустым рюмкам в барах. Десяткам кружечек кофе и 15-ти пустым пачкам из-под сигарет, что ты тайком выкуривал». И стало ясно, как на самом деле обстоят

у меня дела. С Сюзи никаких проблем, а вот с самим собой... Мне казалось, что в дочке вся жизнь, и в какой-то мере это правда. Но я слишком сильно преувеличил этот факт, позволив ему сожрать меня целиком. Сюзи заняла во мне всё, ведь я должен был быть и отцом, и матерью. Уделять ей вдвое больше времени. Так я и жил – Сюзи, Сюзи, Сюзи, Сюзи. И я был счастлив! Но, видимо, тело человека не приспособлено к такому, оно гнило физически и эмоционально. Нервы выли, мозг кипел.

«Я живу Сью, ведь она – это ты, – думал я, глядя на надгробную плиту. И при этом...

Распадаясь на части... распадаясь на куски... А ведь всего лишь...

Мне просто нужен был друг...

На следующий день Виктория снова встретила меня в коридоре, пока я ждал Сюзи, и, поздоровавшись, сказала:

– Знаете, я бы могла привести в гости на ужин своего сына. Они бы со Сью поладили. Он тоже обожает животных и хорошо рисует. Что скажете?

Вот так вот все просто. Ничего лишнего.

На этот раз я согласился, выдавив НАСТОЯЩУЮ улыбку, которой уже давно не было видно на моём лице.

Мы весь день провели в зоопарке. Малышка ничуть не устала, ей не надоело. Она как будто чувствовала нутром, что это одно из любимейших маминых мест, и проводила в

нем как можно больше времени, пытаюсь быть ближе к ней..

Солнце постепенно клонится к закату. Я снова сижу на скамейке напротив вольера с жирафами, где мы оказались, обойдя весь зоопарк и посмотрев почти всех животных, кроме медведей, сов и страусов – их Сью не любила. Малютка играет неподалеку с какими-то мальчишками.

«Бри, наша детка такая энергичная, вся в тебя».

В стороне вместе бегают маленькая Бри, маленькая её копия.

«Бри, Сюзии так не хватает мамочки... Прости, малыш... Прости, что живой...»

Дунул ветер, зашелестели листья, зазвенели колокольчики в сувенирных лавчонках, пахло печеными яблоками, жареными пирожками. Несколько шариков разных цветов взмыли к небу. Видать, маленькие детишки не удержали их своими еще не до конца послушными пальчиками.

Тут легкая, любящая и такая родная рука ложится мне на плечо. Успокаивает. Мир снова становится ясным, добрым, светлым... Я улыбаюсь, смотрю на Сью, играющую с мальчишками, на жирафов... И последние слова растворяются в нигде. Ко мне вернулась ясность ума, я все понял. «Я самый счастливый папа на свете. Слышишь... Я охрененно счастлив, Бри... Спасибо тебе, дорогая». Она крепче сжимает плечо еще с минуту, давая понять, что гордится мной, гордилась и всегда будет, что всегда рядом. Потом рука отпускает меня, исчезает, оставляя свое тепло. «И да, кстати...»

– Ты тоже обожала жирафов... – вслух тихо говорю я и, накинув пиджак, встаю. Встаю навстречу моей маленькой семье, бегущей ко мне с распростертыми ручками и огромнейшей улыбкой на лице, потряхивая косичками с оранжевыми бантиками.

bek